

ДЕЙСТВИЕ - ЭТО СОСТОЯНИЕ, В КОТОРОМ СУЩЕСТВУЮТ ЛЮДИ В МИРЕ

Х. ЙОАС

В N 6 2010 г. нашего журнала опубликована заметка М. В. Горностаевой о креативности социального действия по Х. Йоасу. Х. Йоас с 2008 г. вице-президент Международной социологической ассоциации. Он профессор Эрфуртского (ФРГ) и Чикагского университетов, директор исследовательского центра Эрфуртского университета. М. В. Горностаева предоставила в распоряжение редакции текст интервью Х. Йоаса, данного им 21 сентября 1999 г. К. О. Шармеру. Печатается с сокращениями.

Клаус Отто Шармер (далее - **Ш.**): Цель беседы - проследить развитие ваших мыслей; помогите мне направить ее в правильное русло.

Ханс Йоас (далее - **Й.**): Основной вопрос для меня - понять человеческие действия в их креативности. Как представить себе социальную жизнь и историческое развитие, основывая наше понимание науки и истории на таком понимании человеческого действия, что оно представляет собой, или, более научным языком, какова доминирующая концептуализация человеческой деятельности? Например, так называемые рациональные действия доминируют в экономике и занимают значительное место в политических науках. Нормативное понимание действия доминирует в социологии. Почему эти методы понимания человеческого действия недостаточны? В отличие от них **я пытаюсь понять человеческое действие в его креативности и то, как оно влияет на понимание общества. Я сомневаюсь в корректности применения термина "общество", имея в виду все формы социальной жизни.**

Главным направлением моей работы является разработка понятия действия мыслителями американского прагматизма конца XIX - начала XX столетия, - Уильямом Джеймсом, Джоном Дьюи, Джорджем Гербертом Мидом и др. Они - мыслители, работавшие в смежных науках, их суждения глубоко пропитаны духом демократии, в отличие от большинства других интеллектуальных традиций. Они называли себя философами, не являясь философами в смысле профессиональной философии. Они вводят новые эмпирические данные, ведут исследования в биологии или психологии, социальных науках. Этим они отличаются друг от друга. В некотором смысле такой глубоко философский, но в то же время междисциплинарный, синтетический способ мышления для меня очень привлекателен. Четко можно продемонстрировать взаимосвязь между духом демократии, американской демократии, и их суждениями <...>.

Почему я заинтересовался американским прагматизмом и применяю его к современным проблемам? Я не американец и не американский прагматик. Я немец, и моя биография, мой личный опыт гораздо труднее для понимания. Теперь я хочу спросить, нужно ли мне рассказывать о своей биографии и ее влиянии на мою интеллектуальную ориентацию? <....>

Я вырос в Баварии, на окраине Мюнхена. Я родился в 1948 г., был послевоенным ребенком, вырос в семье, где отец сочувствовал нацистам, а мама была сторонницей социал-демократов; и это в очень католической среде. Мой отец был сторонником нацистов во время Третьего рейха, после войны открыто высказывал эти взгляды - до самой смерти, - он умер в 1959 г., когда я был еще ребенком. Он был намного старше моей матери. Она под влиянием войны, разрушений, краха Третьего рейха и всей информации об ужасных преступлениях нацистов увлеклась идеями социал-демократов и продолжает оставаться преданной им по сегодняшний день. Из сказанного ясно, что мои родители не были гармоничной парой в политическом смысле и во всех других отношениях. К тому же, я вырос в католической среде, в так называемом *Genossenschaft*, то, что называют товариществом в Германии, кооперативами рабочего класса, но не социал-демократического, а, скорее, католического сорта.

Я никогда не сочувствовал нацистам, но с раннего детства мне было интересно понять историю нацизма. Откуда он появился? Как это могло произойти? Почему люди, не будучи одержимыми, верят в такое и совершают такое? Они не были дьяволами, конечно же, я любил своего отца. <...> Нехорошо, когда немцы, родившиеся после войны, делают вид, что старшее поколение было просто сумасшедшим или вообще ничего не говорят об этом.

У меня была очень трудная юность также из-за нищеты, в которой я рос. Это вызвало у меня сильный интерес к вопросам социальной справедливости, равенства, социальной политики, "государства всеобщего благоденствия" и т.д. Если в воскресенье кто-нибудь не появился в церкви, все спрашивали: почему мы не видели тебя? Это традиция. Особенно после смерти отца, когда мне было десять лет, религия стала для меня чем-то значительно большим, чем просто нормой правильного поведения. Мне пришлось пережить то, что любимый человек может мгновенно исчезнуть.

Между десятью и двадцатью годами я прошел "этап формирования". Я разрывался между попыткой понять немецкую историю, которая привела к нацизму, сильной приверженностью социальной справедливости и социальному равенству, глубоко католической христианской ориентацией. Когда я стал студентом, была опасность, что все это могло привести меня к очень странной эклектической позиции. <...>. В этом контексте я познакомился с прагматизмом, читая тексты некоторых американских авторов.

Ш.: Когда и где это произошло? Это было тогда, когда вы учились в колледже?

Й.: Это было в Мюнхене, в 1969 или 1970 г. Я провел первые пять [университетских] семестров в Мюнхене.

Ш.: Изучая социологию и философию или ...

Й.: Нет, разные дисциплины, как это принято в Германии. Основная моя ориентация в те годы была на историю, не на социологию. История, социология, философия, немецкая литература - в таком сочетании.

<...> У меня было ощущение, что я мог бы достигнуть двух целей, о которых тогда у меня не было четких представлений. Первой было создание своего рода социальной психологии, которая не была бы психоаналитической. Второй задачей было понимание демократии, которое отсутствовало во всех интеллектуальных традициях, которые я знал раньше. Самой важной была вторая задача. Я ощущал некую напряженность между немецким образом мышления: герменевтикой, моим католицизмом, марксизмом. Мне неожиданно стало ясно, что все три имеют общий недостаток, и не во внешней политической ориентации, а во внутренней конструкции их философии, в их глубоко недемократической или антидемократичной природе. Они должны быть переформулированы, пересмотрены, должны стать демократичными.

Моей основной мыслью в это время было то, что у католицизма, марксизма и всех немецких традиций есть проблемы с демократией. В мире существуют другие традиции мышления. Америка могла бы помочь возродить эти традиции, сделать что-то новое из них, собрать воедино и таким образом исключить опасность эклектицизма. Я бы сказал, что это все то, что заставляет меня продолжить работу... <....>

Креативность связана с решением проблем, созданных не нами

Й.: Я рассматриваю креативность в ее конкретном понимании, которое является ядром в размышлениях прагматиков¹. Я также много внимания уделяю пониманию креативности Гердером в конце XVIII в. Ницше нельзя объяснить без решающей роли креативности в его философии. Креативность - ядро прагматической традиции мышления и, в значительной степени, типичная традиция немецкой мысли. Но понимание креативности в этих двух традициях очень различается. Американское понимание креативности (в своей книге о креативности я назвал ее ситуативной) не просто идеология гениев или для гениев, как это часто имеет место в немецкой традиции. Она не в том, что у некоторых людей более развиты креативные способности, и во всем, что бы они ни делали, они их реализуют. Креативность связана с решением проблем, с которыми мы сталкиваемся, но которые создали не мы. Я пробовал применить это и к себе, когда описывал свою биографическую ситуацию. Она не была мною создана, я всего лишь в ней оказался. Вопрос в том, считаете ли вы, что есть креативный выход из такой ситуации? И если ситуация сильнее вас, подавляет ли она ваши способности и определяет ли она ваше поведение? Или вы находите конкретное решение конкретной ситуации, в которой вы оказываетесь?..

Я не ограничиваю креативность сферой чрезвычайных событий. Особое значение я также придаю её роли в повседневной жизни. Это и есть демократия в прагматической традиции. Креативность описывается в ней как потенциальные возможности каждого. Она отличается от креативности Ницше, которая совершенно элитарна, где ограничен круг креативных личностей, и тогда историческая роль всех других - это быть слугами узкого круга этих личностей. Она ориентирована на повседневную жизнь, в большей степени ситуативна в том смысле, что имеются предварительно созданные проблемы или напряженные ситуации, с которыми вам приходится справляться. Я бы отметил важность креативности в прагматизме и разницу между идеей креативности и идеями Ницше... <....>

Й.: Впервые я столкнулся с упоминанием прагматизма в литературе.... Студентом я занимался теориями языка и прочитал статью, написанную немецким теоретиком в области образования, в которой упоминался Джордж Герберт Мид и его понимание языка. Можно сказать, что я влюбился в него, как только прочитал эту статью. Так, например, когда влюбляешься, всегда ведь есть что сказать рационального: да, у меня есть причины, чтобы быть с этой женщиной. Но уже в течение первых 30 секунд становится ясно, что это как раз тот человек, который мне нужен. Именно поэтому я описал это как влюбленность.

Ш.: Вы говорите о другом типе рациональности? Не просто о какой-то абстрактной рациональности?

Й.: Я глубоко верю, что за нашей рациональной ориентацией стоит нечто большее, чем просто рациональные аргументы. Мы обязаны предоставить рациональное обоснование наших суждений в нашей философии. Я, конечно, не могу сказать, что я влюбился, чтобы что-то доказать... Это не убежденность на основе рационального рассуждения, это просто вид самоанализа, призванный выяснить, что произошло

¹ Х. Йоас. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005 (Joas H. The Creativity of Action: University of Chicago Press, 1996).

в определенный момент биографии. Я не верю, чтобы кто-нибудь мог описать свое интеллектуальное развитие совершенно рационально... Это скорее интуитивное и холистическое описание.

Ш.: Так какой же это тип понимания тогда?

Й.: Вы ведёте меня к подробному описанию креативных процессов, я же хотел лишь упомянуть то, что если помнить о своем интеллектуальном развитии, можно обнаружить моменты, когда переключаешься с одной ориентации на другую. **Я не могу говорить за всех, но лично у меня часто бывает так, что еще в самом начале у меня уже есть ощущение, какой будет сразу вся статья. Но если вы меня спросите, что она собой будет представлять, и я вам отвечу, но в этот момент я сразу осознаю, что мой ответ совершенно меня не удовлетворяет.**

Сам процесс написания нужен для того, чтобы выразить то, что вы почувствовали в первую минуту, чтобы четко сформулировать то, что вы поняли, будучи не в состоянии объяснить это словами в первую минуту. Однако даже если идея не полностью развита, можно ощущать скрытый в ней потенциал. И тогда я обязан найти его четкую формулировку.

Главный принцип книги о креативности, который я одолжил у Джона Дьюи, можно описать одним предложением: мы все чувствуем потребность в том, чтобы быть креативными или радость от этого. Нам нужна критика, самокритика, чтобы реализовать нашу креативность. Я использовал это как лозунг, потому что я чувствую, что в немецкой традиции никто бы не сказал ничего подобного. В традиции Ницше самокритика разрушала креативность. <...> В американской традиции есть взаимодействие между креативной интуицией и процессами критики и самокритики... Я пытаюсь держать свои идеи открытыми к взаимодействию с конкурирующими интеллектуальными традициями. Это делает их сильнее.

"Белое пятно" социального мышления: креативность действия

Ш.: То, что вы сейчас описали, представляет собой процесс зарождения нового. В социологии или, по меньшей мере, в ее господствующей тенденции, которая существовала до вас, у нас действительно не было формулы, которая бы охватывала весь процесс, о котором вы только что говорили: есть некое знание, но вы не можете объяснить его рационально. В нашем понимании социальной реальности это было недостающим звеном. Так?

Й.: Да. Как я говорил в начале беседы, в социальных науках доминируют два способа понимания человеческого действия: один слишком рациональный и другой, я его называю нормативным способом мышления. В своей книге о креативности я пытался показать, что модель креативного действия не только более всеобъемлющая, чем две другие, но она также нужна для решения вопросов, которыми занимаются эти две традиции.

Позвольте привести пример. Рациональный подход предполагает, что действие человека представляет собой преследование четкой, заранее поставленной цели. Приходится находить технические и экономические средства ее достижения. Даже в рамках только этого подхода не придумываем ли мы некие дополнительные цели в ходе рационального преследования главной цели? Надо сознавать вероятность этого... Более того, даже просто выбирая, какая из целей наиболее подходит, нам, возможно, приходится находить совершенно новую совокупность методов и моделей, стратегию или даже цель. Таким образом, даже в рамках рационалистических воззрений требуется доля креативности.

Как применить нашу моральную ориентацию в конкретной ситуации? Студентам я часто привожу пример: у человека очень сильная ориентация на ценности христианства "возлюби ближнего своего"; идет война в Боснии или Косово. Что означает в такой ситуации следовать этой ценности и любить ближнего своего? Быть ради-

кальным пацифистом и заявлять о том, что я не буду применять средства насилия в любой ситуации? Или направить туда войска, чтобы прекратить бойню? То есть, между нашей моральной нормативной ориентацией и ситуациями, обуславливающими наши действия, существует процесс уточнения. Это уточнение не просто дедукция. Я не могу просто взять формулу "люби ближнего своего", сделать логический вывод из нее и переходить к формированию моего действия. Это креативное уточнение, и я должен сравнить мою моральную ориентацию с эмпирическими знаниями конкретной ситуации...

Ш.: <...> Вернемся к тому, что было после Мюнхена.

Й.: Хорошо. Я решил ехать в Берлин. Было начало 1971 г. Я не был уверен, что мне следует ехать в Берлин, но знал, что хочу уехать из Мюнхена. Сегодня я бы даже сказал, что хотел дистанцироваться от предыдущей жизни, хотел, так сказать, быть там, где есть действие... Я колебался между Франкфуртом и Берлином, но мне никогда не нравилась Франкфуртская школа. В то время у меня было ощущение, что я не хочу туда, где существуют какие-либо школы, я хотел найти собственный путь. Я не хотел оказаться в ситуации непростого выбора между тем, чтобы быть или последователем какой-то школы или аутсайдером. Даже сегодня я питаю отвращение к местам, где есть ощущение некоего мыслительного единообразия, а не обилие ориентации с их взаимообменом. Другая опасность заключается в том, что люди просто сосуществуют, например, в одном отделе. Я приехал в Берлин и был крайне разочарован, захотел уехать почти сразу же.

Ш.: Почему?

Й.: В то время происходили политические события, студенты в Берлине были в сильной конфронтации друг с другом. Для интеллектуального обмена не оставалось места. Они стремились к лидерству в придуманном мире грядущей революции. Причина, по которой я остался в Берлине, заключалась, главным образом, в том, что один из профессоров, который преподавал в первом семестре, сделал очень лестные замечания о моем вкладе в научную конференцию.

Он был тогда известным социологом, но к моему несчастью, потерял интерес к социологии примерно тогда же... В любом случае, он очень положительно отзывался обо мне и спросил меня в конце первого семестра, есть ли у меня желание писать за деньги. Я был беден, нужны были деньги. Я был польщен, меня интересовала тема - ролевая теория. Поэтому я использовал летние перерывы между семестрами для написания обзора. Он оказался много длиннее (75 с), чем ожидалось, но профессор отметил, что написан гораздо лучше, чем он ожидал. Он спросил меня, не хочу ли я использовать этот материал для диссертации. Добавил, что если я быстро напишу работу, он предложит мне место ассистента. Это имело решающее значение. Я остался в Берлине, переключился с истории, моей основной ориентации, на социологию. Я добавил некоторые части в работу, и она была опубликована как книга в 1973 г.² Продали 7000 экземпляров... Это был успех. Он попросил меня положить ее в основу диссертации, но я отказался. Я не собирался заниматься чуждой темой постоянно, а хотел сделать диссертацию на совершенно новую и совершенно другую тему. Сначала я планировал написать полную историю критики марксизма за его постоянное игнорирование человеческой интересу субъективности и демократии. Я составил огромный план, начав с раннего Маркса, его восприятия Фейербаха и полемики с левогегельянцами. Глава книги, которую я написал с Акселем Хоннетом, *Социальное действие и природа человека*, базируется на этой работе³.

Примерно через год у меня появилось ощущение "боже, зачем я это делаю?". В каждой главе я доказывал одну и ту же точку зрения. Я пошел к своему профессору и заявил, что мне это наскучило: в каждой главе я заявляю, что Маркс и все марксисты уступают в этих аспектах Джорджу Герберту Миду и всему американскому

² H. Joas. Die gegenwartige Lage der soziologischen Rollentheorie. Frankfurt: Athenäum. 1973.

³ Honneth A., Joas H. Soziales Handeln und menschliche Natur. Frankfurt: Campus, 1980.

прагматизму. Не лучше ли написать о людях, у которых, по моему мнению, я мог бы чему-то научиться, чем писать о людях, которых я пытаюсь критиковать? ...Помню, я вернулся к профессору и заявил, что прочитал практически все, что опубликовал Мид и даже кое-какую дополнительную литературу и меня это потрясло. Я искренне был убежден в тот момент, что для хорошего исследования Мида мне нужно прочитать неопубликованные материалы, его письма, рукописи и т.д., находившиеся в Чикаго.

Реакцией было: "никаких проблем. Поезжайте в Чикаго". В то время поездка в Чикаго была чем-то подобным полету на Луну. Затем я получил стипендию, сначала посетил Вашингтон, чтобы попасть в библиотеку Конгресса, затем Чикаго, где находится большая часть бумаг Мида, затем в Остин, штат Техас, где жил бывший студент Джорджа Герберта Мида, у которого была часть его работ... Я обнаружил много работ Мида, которые раньше не перечислялись в библиографии его работ. Имеется огромная библиография работ Джона Дьюи; Дьюи - более известный мыслитель. Они были друзьями, и у меня появилась мысль, почему бы другу Дьюи было не публиковаться в тех же периодических изданиях, что и Дьюи? Эти периодические издания существовали в течение десяти лет или около того, скажем, с 1894 по 1904 г., никто никогда не слышал о них. Мне повезло. В этих журналах были эссе, написанные Мидом, поэтому у меня оказалось около 20 новых статей...

Ш.: Все это за пару месяцев?

Й.: Да, частично в Берлине при помощи Прусской государственной библиотеки. Затем в Вашингтоне в Библиотеке Конгресса и в Чикаго. Я узнал, с кем Мид учился, когда был в Берлине. Сделать это было непросто, потому что архив старого Берлинского университета находился в Восточном Берлине.... После 1978 г. мне пришлось искать новую работу... В течение ряда лет я проводил типичные социологические профессиональные количественные эмпирические исследования проблем рынка труда высококвалифицированных работников. Результатом стала книга 1987 г. под названием "Наука и карьера"⁴, посвященная исследованию 2000 молодых немецких ученых, факторов успеха или неудачи в их профессиональной карьере... В те годы я разработал идеи, изложенные в книге о креативности. Я писал статьи, которые собрал в сборник "Прагматизм и социальная теория"⁵. В нем в какой-то мере прослеживается создание книги о креативности. Имея такую основу, я почувствовал, что могу теперь представить собственную точку зрения на человеческое действие достаточно систематично. Я это сделал в книге о креативности. В ней есть четвертая глава, которая из всех глав меньше всего удовлетворяет меня. Может быть, мне следовало бы закончить книгу написанием третьей главы. Тогда это была бы книга о человеческом действии и, может быть, приемлемая книга. Но я боялся, что в таком случае, по крайней мере, читатели-социологи классифицировали бы эту книгу как вклад в микросоциологию. Действие представляет собой микропроцесс, а этого, как вы знаете, я не выношу. **Моя же точка зрения заключается в том, что пересмотренное понимание действия изменяет наше понимание макропроцессов на уровне общества и, возможно, на глобальном уровне. Это не просто иное понимание микроситуаций взаимодействия.** Вот почему я добавил четвертую главу. Целью ее является демонстрация того, что существует макротеоретический потенциал... Но, очевидно, я был не в состоянии так же качественно проработать ее, как теоретические главы о действии в этой книге.

Главной задачей после книги о креативности была разработка на ее основе макросоциологического понимания. Я полностью сознавал в тот момент, что нельзя достичь этой цели непосредственно. Нельзя вдруг решить стать креативным. Нельзя сказать: "теперь я хочу создать макросоциологическую теорию, которая будет гармонично сочетаться с этой теорией действия" и создать ее.

⁴ H. Joas, M. Bochow. Wissenschaft und Karriere. Frankfurt: Campus, 1987.

⁵ H. Joas. Pragmatismus und Gesellschaftstheorie. Frankfurt: Suhrkamp, 1992.

Микро-макро связь

Сейчас я пытаюсь взять гораздо более узкую тему, для чего выбрал понимание войн, в частности, Первой мировой войны. В настоящее время я заканчиваю эту книгу о войне⁶. Идея такова: война - это тип исторического процесса, где нелегко проследить линейную эволюционистскую модель истории, когда все идет своим чередом, становится хуже или лучше. С войнами, несомненно, все не так. Если брать Первую мировую войну, которую я больше всего исследовал, можно сказать, что перед ней существовали определенные тенденции, но война оказалась неким хаотичным событием, которое изменило все. Я писал о креативной роли войны. Конечно, это звучит ужасно. Но не было бы большевизма или нацизма в XX столетии без Первой мировой войны. Никогда бы не было большевистской революции в России. Может быть, был бы какой-то переворот, но не революция Ленина. Я могу доказать, что итальянский фашизм является результатом этой войны. Войны включают чрезвычайно непредсказуемые и чрезвычайно креативные процессы...

Процесс, который сейчас меня интересует, это генезис ценностей и приверженности ценностям. Эту работу я писал очень быстро, один год, во время пребывания в США⁷. Это книга о том, откуда пришла приверженность ценностям, связанная с проблемой креативности. Я считаю, что даже моя книга о креативности еще слишком сильно придерживается идеи "мы что-то делаем, когда мы креативны". Конечно. Но при этом очень важно и то, что происходит с нами. Я считаю, что у меня есть два элемента, а именно: довольно точное понимание процесса возникновения приверженности ценности, и гораздо более ясное понимание процессов чрезвычайной непредсказуемости в войнах. Этим я занимаюсь в данный момент...

Я рассматриваю еще два проекта. Очень кратко о них, не люблю говорить о незавершенной работе. Одна - книга о макросоциологических процессах XX столетия под названием "Век непредсказуемости". Это книга о том, какие методы разработал человек в XX столетии, чтобы объяснять и иметь дело с возросшей непредсказуемостью существования. Каковы парадоксальные последствия этих попыток, которые могут расширить непредсказуемость?

Другая книга - продолжение темы ценностей. Книга о ценностях абстрактна своей приверженностью абсолютно всем ценностям. Ее цель - рассказать о том, что является истинным для приверженности всем на свете ценностям. Это книга о происхождении убеждения (я подчеркиваю - убеждения, поскольку считаю, что это не рациональное суждение, думаю, это квазирелигиозное убеждение) в том, что каждый человек имеет фундаментальные права, и каждый человек имеет чувство собственного достоинства. Эти два проекта взаимосвязаны очень сложным образом, я буду работать над ними в течение следующих двух-трех лет. Таков пространственный ответ на Ваш краткий вопрос.

Ш.: Как это соотносится с книгой о креативности? Не является ли это продолжением четвертой главы, основой макросоциологии?

Й.: Да. Проект "Век непредсказуемости" пытается создать опирающуюся на компетентные источники макросоциологическую теорию основных социальных процессов XX в. Кратчайшим путем к их пониманию будет выбор в качестве ключевого для этой работы понятия непредвиденных обстоятельств, напоминающего креативность. Акцент на креативность действия привел некоторых критиков моей книги к предположению, что, по моему мнению, может быть и макросубъект креативности, как это и имеет место в марксистской традиции.

Полагаю, что, базируясь на креативном понимании действия человека, можно прийти к разновидности тоталитарной макротеории, креативности человеческого воз-

⁶ H. Joas. *Kriege und Werte. Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts.* Weilerswist: Velbruck, 2000.

⁷ H. Joas. *The Genesis of Values: University of Chicago Press, 2000.*

действия на макросубъект, такой как, например, партия или государство. Мне глубоко чужд тоталитаризм, как видно из того, что я сказал. Поэтому вопрос в следующем: как можно понять креативность каждой личности, не приходя к всеобщности, тотальности? Отсюда важность исследования непредвиденных обстоятельств. Наличие и у вас, и у меня большого числа вариантов выбора ведет не к увеличению количества вариантов выбора на коллективном уровне, а, как правило, создает типичные новые проблемы на этом уровне.

Приведу показательный пример. Если у каждого будет автомобиль, тогда у всех будет больше вариантов выбора куда ехать и когда ехать. Но если есть только одна железнодорожная ветка между двумя населенными пунктами, приходится садиться на поезд или совсем отказаться от поездки. Если есть автомобиль, можно ехать сейчас или через час, или два, или три часа и так далее. Это увеличивает количество индивидуальных вариантов выбора, но не обязательно создает ситуацию, в которой каждый может ехать в какой-либо населенный пункт в любое время, потому что могут возникать дорожные "пробки". Значит, взаимосвязь индивидуального действия в непредвиденных условиях с большим выбором вариантов ведет к моделям, которые парадоксальным образом вновь ограничивают индивидуальный выбор. Я считаю, что для того, чтобы понять новые модели социальной жизни XX столетия, необходимо представлять то, о чем я говорил раньше, - последствия роста непредвиденных обстоятельств и комплексный набор способов, как поступать с этими последствиями.

Ш.: Может ли существовать субъект на коллективном уровне?

Й.: Нет, как я уже говорил, проблематично всякое предположение об этом.

Ш.: Хорошо. Но в качестве комментария, это все же не исключает возможность наблюдать какие-то явления на коллективном уровне?

Й.: Абсолютно верно. Это то, что называется демократией. Не один макросубъект с высокой степенью способности управлять всеми социальными процессами, а учреждение или институциональная коллективная организация, которая имеет дело с последствиями индивидуальных действий и с моделями таких последствий. Например, в Германии министры отдельных земель могут собраться и заявить: "Чтобы избежать дорожных "пробок" в первый день поры летних отпусков, давайте устанавливать очередность между землями времени начала отпусков". Это показывает, что возможен процесс принятия решения на коллективном уровне. Это обычные последствия взаимосвязи индивидуальных действий. Мы оцениваем их как негативные. Мы хотим избежать некоторых из них. Все, что мы можем предпринять, чтобы избежать некоторых из них - упорядочить что-то. То есть, существуют некие мыслительные механизмы коллективного действия.

Теория систем Лумана и креативные действия

Ш.: Вернемся к исходному вопросу: в чем ваш подлинный интерес в области человеческого действия или социального действия? Вы говорили о своем жизненном пути, что вас заинтересовали "белые пятна" вашей области, а именно, аспекты креативности не были по-настоящему учтены? И это цель вашей работы.

Й.: Вынужден добавить несколько моментов... В значительной степени я противник использования теоретических моделей, взятых за пределами социальных наук и перенесенных в социальные науки без детального обдумывания условий их применения. Например, системы, теория которых четко вытекает из биологии и кибернетики. Я не говорю, что ее совсем нельзя применять к социальным наукам. Но если применяешь ее, то нужно знать специфические условия области, к которой вы ее применяете, в данном случае, креативный характер действия... Я имел в виду огромное влияние теории систем Лумана, лишенной плодотворного сопоставления с характером человеческого действия, полностью его опровергающей. Поэтому всякий раз, когда в социальные или гуманитарные науки переносится группа теорий, которые возникли не в

социальных науках, я считаю, делать это можно только в том случае, если это расширит наше понимание креативного характера действия человека, а не в случае, если это будет отрицать его, или если уведет нас от сосредоточения внимания на нем. Мне кажется, что это случается в большей части теоретических дискуссий в социальных науках.

Следующий момент, который я хотел бы добавить. В современных социальных науках существует огромный раскол не только между теорией и эмпирическим исследованием, но и между различными дисциплинами. Больше это относится к Соединенным Штатам, чем к Германии. Я восхищен тем, чем занимаются мои коллеги в Висконсине. Это действительно хорошая школа. Но я часто бываю разочарован, когда вижу, как далеки эти люди от смежных дисциплин, что они не проявляют никакого интереса к философии и истории. Эти две дисциплины, безусловно, важны для социологии: нельзя заниматься социологией без философии и истории, политических наук, экономики. Многие люди проявляют интерес исключительно к теоретическим дискуссиям в их собственных дисциплинах. И это не просто поведение отдельных представителей, это почти институционализировано, это коллективная модель, особенно на протяжении последних нескольких десятилетий.

Креативность действия: три измерения

Ш.: Мы уже говорили о различных частях теории креативности, но не об этом явлении в целом. Вы интересовались человеческим действием, но креативность была "белым пятном". Каким вы представляете себе человеческое действие с этой точки зрения? Какова природа этого явления?

Й.: В третьей главе моей книги *"Креативность действия"* я различаю три основных измерения того, что называю креативностью действия. Одно из них - "нетелеологический характер интенциональности человека". Это означает, что нам не следует понимать намеренное действие как целевое действие. Необходимо сделать общедоступным наше объяснение человеческого действия. Мы занимаемся изучением взаимосвязи между нашими действиями и внешним миром. С одной стороны, осуществляя целенаправленное действие или другие его виды, мы реализуем наши желания, наши внутренние стремления. С другой стороны, характерные особенности внешнего мира состоят в том, что, отсутствуя в наших планах, они, тем не менее, существуют и могут создать новые отправные точки, формировать связь между нашими внутренними стремлениями и внешним миром. Таким образом, это **нетелеологическая интенциональность**. Данное определение точно характеризует мое понимание действия. У него есть два очевидных следствия, а именно: изменение понимания значения плоти и телесности в действиях человека. Это подразумевалось, когда я говорил об открытии относительности чьих-либо стремлений...

Открытие относительности стремлений требует занятия позиции к дорефлексивному. Следует отметить, что всего лишь малая часть дорефлексивного - побуждать к действию, поскольку дорефлексивное также является неотъемлемой частью нашего понимания мира. Если я вижу мир исключительно через призму своих планов и стратегий, у меня нет шансов разработать новые стратегии.

Ш.: Да, тогда нет эмпирического видения, верно?

Й.: Верно. Таким образом, у меня должен быть какой-то вид обмена с миром, чтобы быть...

Ш.: ...в диалоге со вселенной, правильно?

Ханс Йоас: Да. Для того, чтобы постоянно вносить новые измерения мира и собственной личности. Это также полностью изменяет наше понимание личности. А именно рациональная модель утверждает, что человек существует здесь как данный конкретный индивид и никто другой. Моя теория включает предположение, что мы можем быть биологическими личностями, но не только как некий представитель какого-либо биологического вида с определенными размерами, определенным весом,

датой рождения и так далее. Определение себя как личности имеет отношение к проведению символических границ между мной и другими, между мной и миром в целом. Я считаю это чрезвычайно важным моментом. Для этого необходимо переключаться не только от интенциональности к ослаблению контроля, но также от эгоцентризма к реальной открытости по отношению к другим людям, доступности символических границ, которые представляют вас самих.

Если попытаться создать феноменологию типов таких ситуаций, потребуется провести различия между типами межличностных ситуаций. Они схожи с сексуальностью, где имеет место слияние с любимым человеком. Или с ситуацией, где отсутствует другой человек, но вас охватывает всепоглощающее чувство гармонии с природой. Вы можете быть также совершенно одинокими, плавая в океане или гуляя в лесу.

Ш.: Но это всегда связано с выходом за пределы наших собственных границ.

Й.: Именно так. Это является общим характерным признаком, но осознавать это можно по-разному в зависимости от ситуации. Таким образом, мое понимание креативности и творческого начала человеческих действий можно описать тремя характерными чертами: нецеленаправленная преднамеренность, различное отношение к нашим собственным дорефлексивным побуждениям и дорефлексивному восприятию окружающего мира, а также разное отношение к символическим границам.

Действие - это состояние, в котором люди существуют в мире

Ш.: То, что вы делаете - это расширение реальности явления действия, которому мы уделяем внимание, верно? Вы смотрите на процесс, на то, как осуществляется действие, а не просто на результат...

Й.: Действие всегда есть процесс, динамический процесс. Оно не может быть статичным событием. Рационалистическая модель пыталась представить этот процесс так, словно можно было заранее представить себе стратегию действия, и тогда временной коэффициент становится неважным, потому что происходил просто перенос этой воображаемой стратегии в реальность. Однако, представляя себе действие как динамический процесс, приходится допускать, что вы оказались в этой ситуации, действуя по детально разработанной стратегии. Но в большинстве случаев нельзя просто реализовать эту стратегию, потому что случается много непредвиденного, и в пределах этой ситуации приходится постоянно выполнять ряд действий. Я считаю, что моя модель гораздо больше подходит для понимания того факта, что мы постоянно действуем в ходе выполнения действия, в отличие от аналитической философии с ее последовательностью единичных действий.

Я не хочу отрицать существование стратегического действия. Я полностью осознаю, что в некоторых ситуациях мы говорим себе, что будем игнорировать наши порывы, а сейчас мы будем игнорировать другие части мира. Сейчас мы не открыты по отношению к другим людям. Сейчас мы не изменяем ход действия. Но мы это можем сделать. Предположение, что мы можем действовать стратегически, отличается от предположения, что мы естественно и постоянно действуем стратегически. Если мы поймем, насколько искусственна конструкция стратегического действия, насколько оно основывается на контексте, предположениях, то изменится наше понимание стратегического действия. Я не хочу сказать, что это еще один тип креативного действия.

Скажем, я экономист, мой интерес заключается в рациональном действии. Я оставляю другие типы действия другим. Но даже в этом случае то, что я говорю, должно иметь значимые последствия. Один из моих сотрудников написал очень хорошую книгу, в которой применяет многие мои идеи из книги о креативности действия к более специфической области экономического понимания действия.

Ш.: Говоря о динамическом процессе действия, как я понял, вы имеете в виду появление действия. Откуда возникает действие?

Й.: Действие в моем понимании представляет собой состояние, в котором человек существует в мире. С некоторой долей иронии можно сказать, что допущение телеологической модели действия отражает состояние покоя нашего тела, - подобно телу Ньютона, которое не перемещается какой-либо внешней силой. Потом появляется либо внешняя, либо внутренняя сила. Именно так описывается мотивация, которая создает во мне желание действовать. Далее еще до того, как я начинаю действовать, находясь все еще в состоянии покоя, я разрабатываю стратегию действия. У меня есть стратегия и мотив, затем я комбинирую то и другое. Я сижу в своем кресле в состоянии покоя, и вдруг совершаю действие. Это совершенно неверно. Даже когда вы сидите и ничего не делаете, способ, которым вы воспринимаете предметы в комнате, полностью определяется вашим опытом действий. Если бы вы не знали, что дверь в комнате открывается путем нажатия на ручку двери, вам бы никогда не удалось открыть дверь, вы могли бы решить, что это какой-то орнамент, украшение, а не то, что используется для открытия двери. С моей точки зрения, действия совершаются постоянно.

Размышления о дорефлексивных побуждениях

Ш.: Моей задачей было ухватить суть ваших размышлений. Откуда возникло действие? Задумываем ли мы действие или же оно возникает спонтанно?

Й.: Хорошо. Это разные вопросы. Первый вопрос заключается в следующем: если вы согласны, что люди постоянно находятся в активной взаимосвязи с миром, то важно не как они решают действовать вообще, а как они решают действовать в конкретной ситуации. Тогда придется добавить другие основополагающие элементы, пришедшие из прагматизма. Поскольку вы находитесь в этой постоянной активной взаимосвязи с миром, у вас возникают различные предположения о том, что происходит. Но то, что происходит, не всегда оказывается тем, что, как вы ожидали, должно случиться. Это состояние изначально называли проблемой, а позже - напряженным состоянием. Я предпочитаю понятие "напряженное состояние", потому что "проблема" звучит слишком технически. Напряженное состояние - это больше, чем ситуация нахождения в комплексном поле ожиданий.

Таким образом, проблема заключается в следующем: либо предполагаемое не происходит, либо происходит что-то неожиданное. Или другой актер просит меня объяснить, почему я делаю это или почему я делаю это именно так и так далее. Это ситуации напряженного состояния между мной и миром. Такие ситуации порождают размышления о дорефлексивных побуждениях. Я не могу одновременно реализовать два побуждения. Или у меня не получается реализовать какое-то побуждение, поскольку мне мешают обстоятельства. Во всех подобных ситуациях и только на короткий срок возникают акты рефлексии. Рефлексия не является исходным состоянием, предшествующим действию. Изначально мы действуем, и лишь затем иногда случается так, что мы вынуждены обдумывать наши дорефлексивные побуждения. Это размышления в духе прагматизма, и выход из этой ситуации можно найти, используя креативность и выдавая решение для этой ситуации.

Рефлексия - это промежуточная фаза в процессе действия. Мы постоянно находимся в процессе действия, и когда мы сталкиваемся с проблемой, требующей внимания, то рефлексия - это действие. Мы постоянно вынуждены рефлексировать, так как в противном случае мы бы постоянно воспроизводили одну и ту же проблему. Поэтому рефлексия - непосредственная часть действия. На фазе рефлексии мы обнаруживаем, иногда с удивлением, наши дорефлексивные побуждения, понятия и т.п.

Ш.: Большое спасибо за беседу.

Перевод Н. В. Романовского, А. О. Смирновой